

УДК 930(091)

**ИМАМ ШАМИЛЬ – РУКОВОДИТЕЛЬ ИМАМАТА –
ГОСУДАРСТВА НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ**

Ю.У. Дадаев
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

dadaevyusup@mail.ru

Аннотация: В статье на основе опубликованных документов, архивных источников, полевых материалов на арабском и на языках народов Дагестана рассматриваются вопросы избрания Шамиля имамом в сентябре 1834 г. и легитимности имамства Шамиля.

Annotation: In the article there are considered for the first time questions of Shamil's election as the Imam in September, 1834, on basis of published documents, archive sources, field materials in Arabic and Daghestan languages. There is also touched legitimacy of Shamil's rank.

Ключевые слова: Имамы Газимухаммад, Гамзатбек, Шамиль, предводители сельских общин, присяга, Имамат, Российская империя, Загалав из Хварши, Имамхаммад из Гигатля.

Key words: The Imams Ghazimhammad, Gamzatbek, Shamil; leaders of rural communities, oath, the Imamate, the Russian Empire, Zaghalav from Khvarshiny, Imam Muhammad from Gigatl.

В данной статье автором дана разработка вопроса избрания Шамиля имамом Дагестана и Чечни, который, несмотря на большой научный интерес, еще недостаточно глубоко изучен историками, посвятившими свои труды исследованию генезиса и распада государства Имамат, описанию жизни и деятельности Шамиля.

В исторической литературе существует множество самых разных и противоречивых утверждений и повествований о том, как Шамиль стал имамом, предводителем горских народов, боровшихся за свободу и независимость, создателем уникального государства в XIX в. на Северном Кавказе. В российской и зарубежной историографии существует большое количество противоречивых точек зрения по поводу избрания Шамиля третьим имамом Дагестана и Чечни и легитимности всей имамской власти. Эти разные позиции и точки зрения начали формироваться еще при жизни Шамиля. Некоторые авторы приписывают ему насильственный, недемократический захват имамской должности.

Анализ исторических документов показывает, что имам Шамиль пришел к власти заслуженно, честно и открытым путем, и прежде всего по воле народа. Как писала М.Н. Чичагова: «в журналах 50-х и 60-х годов печатались совершенно ошибочные мнения о Шамиле и его избрании в имамы, выставляли его честолюбцем и интриганом. Например: Сулейман Эфенди пишет: (Кавказ, 1847. № 59) Шамиль был самозванцем, а не избранником народа, он не может быть главою мюридов и правоверных, потому что происходит не от курейшитов, поступки его противны священному шариату» (Чичагова. М.Н., 1889. С.41).

Сулейман-мулла (Сулейман-Эфенди, Сельман) – выходец из селения Сольжа, жил в с. Герменчук. С 1845 г. по апрель 1846 г. – наиб Шамиля в Черкесии. В мае 1846 г. за недостатки в работе был смещен. В 1847 г. в Малой Чечне перешел на сторону царского командования и стал платным агентом царской армии. После этого в газете «Кавказ» за 1847 г. опубликовал статью под заглавием «Описание поступков Шамиля против мусульманского шариата, которые были замечены Сулейман-Эфенди во время его нахождения при нем». Как видим, смысл и направленность сочинения Сулейман-Эфенди, предавшего свой народ и Шамиля, предельно ясны из самого заглавия его публикации. По заказу царского командования Сулейман-Эфенди пытался опорочить политику Имамата во главе с Шамилем и самого Шамиля, как главу государства. Главный тезис его сочинения заключался в том, что Шамиль широко применяет светские нормы законов и ведет к нарушению основ тариката. К примеру, Сулейман-Эфенди писал: «Имам,

сопровождая действия свои силою оружия и предпринимая военные действия, нарушает тем самым главное условие тариката» (Кавказ, 1847. С. 33–34). Сулейман-Эфенди был назначен наибом на Западный Кавказ весной 1845 г., а уже через год начал тайные переговоры с царским командованием о переходе на их сторону с разрешением ему жить в Большой Кабарде впредь, до отправления в Мекку. Понимая важность удаления Сулейман-Эфенди от Шамиля, царское командование предпринимало все меры для его перехода на свою сторону, в то же время и не доверяло ему. Так, в записке начальника Сунженской линии о результатах переговоров с Сулейман-Эфенди в июле 1846 г. отмечалось: «...23 и 24 июля в 2 часа полуночи по приказанию г. начальника отряда я вел переговоры с Сулейман-Эфенди, прибывшим на аванпост наш, я объявил ему готовность г. главнокомандующего оказать всякое содействие к следованию в Мекку, если он желает, теперь же и что в с. для убеждения в искренности намерений Сулеймана желает, чтобы он в то же время, когда оставит Шамиля, объявил его отступником законов Магомета» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в., 1959. С.521). Как видно из документа, Сулейман-Эфенди принял эти условия, отказавшись стать тайным агентом, сказав, «что лазутчиком никогда не был и ныне принять обязанности на себя не может, чтобы не возбудить подозрения Шамиля и чеченцев, среди которых живет и которые ныне по всем пунктам содержат караулы» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в., 1959. С. 522). В 1847 г. Сулейман-Эфенди совершил хадж в Мекку и по возвращении остался за Кубанью и сотрудничал с колониальными властями, а в 1852 г. был убит (Дадаев Ю. В., 2009. С. 285–286).

Говоря о злопыхателях относительно имамства Шамиля и его государства, М.Н. Чичагова, лично знавшая Шамиля в период его проживания в Калуге, писала: «Г. Ильин пишет в «Историческом Вестнике» 1885 г.: «Шамиль, узнав о смерти Гамзат-бека, провозгласил себя: Иммамуль-Аззамом. Газеты перепечатали эти неверные известия. Кази-Магомед, Гамзат-бек были избранниками народа. Шамиль, любимец и верный друг первого, шедший с ним рука об руку на смерть, необходимый советник и помощник Гамзат-бека; своим мужеством, умственными и нравственными качествами не имевший себе равного, не мог не быть избранным властелином народа. Шамиль говорил в Калуге, что он желал избежать имамской власти, постигая вполне те препятствия, которые ему предстояли для достижения своей высокой цели. Лгать Шамилю не было никакой надобности, когда он был уже нашим военнопленным» (Чичагова. М.Н., 1889. С.43). Как отмечает М.Н. Чичагова, некий Г. Савинов писал в издании «Сыны Отечества»: «Шамиль был первым в совете и последним в бою». М. Чичагова пишет: «Такое мнение о герое, признанном всеми народами, носящем на себе девятнадцать тяжких ран, совершенно непонятно и даже удивительно. Господин Богуславский, хорошо знавший и изучивший характер Шамиля, писал: «Не в совете же Шамиль получил девятнадцать ран, из которых нет ни одной огнестрельной. Полагаю, что нет ни одного человека в России, который согласился бы с мнением Г. Савинова. Упрекать Шамиля в недостатке храбрости – невозможно» (Чичагова. М.Н., 1889. С. 43). Из-за ненависти и зачастую зависти к успехам Шамиля отдельные личности доходили до оскорбительной лжи и писали о нем выдумки. Некий Егоров писал: «Шамиль был не что иное, как атаман величайшей шайки разбойников, которые покорились ему волею-неволею, одни слабые – страха ради; другие глупые – почитали его за Пророка, третьи видели в нем хитрого политика» (Цит. по: Чичагова. М.Н., 1889. С. 44).

Тогда же Александр Казем-бек, отмечая качества характера Шамиля и как бы отвечая ненавистникам Шамиля, писал: «Действия его (Шамиля. – Авт.) всегда имели характер искренности и бескорыстия как в отношении к имаму (Гази-Мухаммаду. – Авт.), так и в отношении к его подданным» (Казем-бек Мирза Александр, 1861. С. 231). М.Н. Чичагова также отмечала: «разумные русские патриоты не ненавидят Шамиля, не гнушаются имени его; он был герой и создатель героев» (Чичагова. М.Н., 1889. С. 44) (Здесь и далее подчеркнуто нами).

Вторая группа историков и исследователей отмечала особые усилия, предпринятые Шамилем для достижения заветной цели. Так, к примеру Е. Вердеревский писал о «самоозвонстве и самопровозглашении» имама Шамиля (Вердеревский Е., 1857. С. 462).

Третья группа исследователей в действиях Шамиля в период имаматства Гамзата и после его гибели видели целенаправленную политическую игру, даже уличали его в «политическом кокетстве»: Шамиль зная, что будет избран, специально, чтобы «накалить» выборные страсти, будто бы с умыслом, делал вид, что отказывается от поста имама, главы государства правоверных.

«Эти два решительных поступка, – считал Н.А. Окольничий, – т.е. овладение сокровищами Гамзатбека, о которых между горцами ходили преувеличенные слухи, и убиение последнего представителя аварских ханов, возымели свое действие: Шамиль беспрекословно был признан

имамом» (*Окольничий Н.А.*, 1859. С. 371–372). Этот же взгляд на приход к власти Шамиля разделял также Н.Ф. Дубровин (*Дубровин Н.Ф.*, 1896. С. 75).

Анализ источников внутриимамского происхождения показывает, что при Гамзат-беке Шамиль занимал должность первого помощника, самого верного сподвижника – наиба и он был обязан заботиться о будущем государстве в том числе о казне, которой угрожало разграбление после убийства второго имама Гамзатбека. Сторонники всех трех версий ссылаются на один и тот же факт: узнав о гибели Гамзатбека, Шамиль поспешил захватить казну покойного имама. Сюда же причисляют также убийство Булач-хана, законного наследника ханского престола, находившегося в качестве заложника у сторонников Шамиля.

Законный «наследник» ханского престола в Аварии действительно был убит по приказу Шамиля, но гораздо позже выборов имама. Произошло это не из-за выборов, а в связи с политическими действиями российских колониальных властей. Сразу же после смерти Гамзат-бека в российских кругах стали обсуждать вопрос о назначении хана в Хунзах. В Петербурге и на Кавказе были обеспокоены тем, что лидеры освободительной борьбы попытаются удержать свою власть в Аварском ханстве и назначат во главе его своего ставленника. В конце сентября 1834 г. генерал Г. В. Розен писал А. И. Чернышеву о двух кандидатурах, выдвигавшихся командованием на ханский престол: первым из них являлся Булач-хан, по сведениям Г.В. Розена, находившийся в плену у жены и родственников Гамзат-бека; другим кандидатом был Фет-али-бек (Патаали. – Авт.), сын Сурхай-хана, живший со своей бабушкой в Хунзахе (*Движение горцев Северо-Восточного Кавказа*, 1959. С. 140).

Генерал Г.В. Розен поручил генералу С.Н. Ланскому, выяснить, кому из этих двух кандидатов «более предан народ аварский» и кто из них для России будет полезен. Одновременно главнокомандующий просил доставить к нему Булач-хана и Фет-али-бека, «дабы лично узнать их и внушить им расположение к правительству» и наставить, «как они должны вести себя». Генерал С.Н. Ланской, в свою очередь, вовлек в обсуждение этих «претендентов» на хунзахскую резиденцию местных владетелей – Аслан-хана Казикумухского, шамхала Тарковского, старейшин и кадиев «вольных обществ». Широкое обсуждение судьбы Аварского ханства, еще недавно принадлежавшего мюридам, подтолкнуло Шамиля к решительным действиям. Они объяснялись настойчивыми усилиями Казикумухского хана, шамхала Тарковского и многих в Аварском ханстве, направленными на провозглашение Булач-хана аварским ханом; от имени «благонамеренных старцев» к ним примкнул также Халил-бек – один из участников убийства Гамзат-бека и противник освободительной борьбы. В Калуге Шамиль рассказывал полковнику Д.Н. Богуславскому, с которым имам находился в дружеских отношениях, что он не желал смерти Булач-хана. По его словам, этого «требовал народ», опасаясь, что, когда Булач-хан возмужет, окрепнет в ханстве, он, имея опору в русском правительстве, станет мстить за расправу с его братьями и казнь матери. Булач-хан явно стал знаменем для аварских беков, родственников погибших аварских ханов и для российского военного командования в Дагестане в лице барона Г.В. Розена. Как известно, только через две недели «после своего избрания Шамиль ... послал пятьдесят человек в Гоцатль с приказанием привезти казну и сокровища Аварской ханши Пахубике и сына ее Булач-Хана. Имам отправил всю казну в Ашильту, а Булач-Хана оставил в селении Харачи, вблизи Унцукуля и приказал жителям кормить и хранить его». Угроза восстановления ханства принудила Шамиля принять решительные меры в отношении Булач-хана, и последний был казнен.

Избрание Шамиля имамом проходило на съезде (собрании) религиозных деятелей. Сведения об этом съезде имеются в разных источниках – архивных документах, опубликованных работах исследователей, а также научно-популярной литературе. Особое значение имеют документы внутриимамского происхождения. Среди них есть еще не опубликованные, представляющие огромный интерес для исторической науки (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1).

Мухаммед-Тахир аль-Карахи (Карахский), придерживаясь правил краткости и точности в своей работе, избранию Шамиля имамом в 1834 г. посвятил всего 4 строки. Он писал: «Хамзат еще раньше завещал халифат Шамилю. Поэтому после его убийства собрание благородных ученых [без колебаний] возложило звание халифа на Шамиля. Последний, однако, принял его после долгих отказов. Ученые чуть было даже не разошлись без принятия решения» (*Мухаммед Тахир аль-Карахи*, 1990. С. 46). Как видно из этого сообщения, кроме даты и факта избрания другой информации там не содержится.

Другой известный дагестанский исследователь, очевидец событий Хайдарбек Геничутлинский так же кратко и лаконично, как и Мухаммед-Тахир Карахский, отмечал: «... после мученической

смерти Хамзата власть принял пользующийся поддержкой Аллаха имам Шамиль – верный помощник делу религии, активный борец за веру, которому и дали присягу. Людей по доброму пути повел теперь он» (*Хайдарбек Геничутлинский*, 1992. С. 72).

В сообщении Хайдарбека Геничутлинского следует обратить внимание на фразу «верный помощник делу религии, активный борец за веру, которому и дали присягу». Эта фраза является важным фактом признания легитимности избрания Шамиля с точки зрения мусульманского права. Однако, автор допускает одну неточность в самом начале главы, посвященной эпохе Шамиля. Он отмечает, что избрание Шамиля произошло «примерно через год после мученической смерти Хамзата» (*Хайдарбек Геничутлинский*, 1992. С. 72), а по всем данным из самых разных источников между убийством имама Гамзатбека и избранием Шамиля не прошло даже и трех месяцев.

Одним из ценных источников дагестанского происхождения является сочинение известного сподвижника Шамиля, очевидца многих событий Гаджи-Али из Чоха, который отмечал: «В 1834 году народ и ученые из некоторых деревень Хиндалала (Койсубу), собравшись в Ашильту, избрали его имамом. Избрание происходило в главной Ашильтинской мечети, в которой собрались кадии и народ и послали за Шамилем. Он пришел пешком с пятью мюридами и сел в михрабе. Тогда главный кадий обратился к нему с вопросом: «Согласен ли ты быть нашим имамом, Шамиль?». Шамиль отвечал: «Согласен». После этого ответа кадий стал молиться об упрочении имамата под руководством Шамиля, продлении его жизни и даровании счастья и благополучия народу, отдавшему себя под его управление. Затем кадий, возведя руки к небу, произнес «Фатиха» и по обычаю погладил обеими руками бороду. Народ отвечал, возведя руки к небу: «Аминь», «Аминь» и гладил бороды. Окончив этот обряд, кадий, а за ним весь народ и ученые подходили к Шамилю, целовали ему руку и поздравляли его, говоря: «Да будет благословенно твое имамство». Так совершилось избрание Шамиля, и затем он отправился домой в Гимры, где по обычаю угощал всех почетных лиц и ученых» (*Гаджи Али*, 1990. С. 28–29).

Анализируя упрощенное описание автором процесса избрания Шамиля имамом, не следует забывать, когда и с какой целью было написано его сочинение. Гаджи-Али как бы нарочно уменьшает количество делегатов съезда фразой «народ и ученые некоторых деревень Хиндалала (Койсубу)». Стараясь угодить царской власти, под контролем и по поручению которой создавалось это сочинение, Гаджи-Али ни слова не говорит об известных личностях, участвовавших в собрании, о предводителях сельских общин, их союзов и джамаатов Нагорного Дагестана, которые участвовали в работе съезда. В то же время он подтверждает легитимность избрания Шамиля с участием кадиев и народа, а также демократическую сторону состоявшегося съезда.

Еще более кратко, без подробностей правового характера, характеризуя избрание Шамиля имамом, известный дагестанский ученый Гасан-Эфенди Алкадари писал: «После убийства Гамзатбека население Аварского района собралось в селении Ашильта, где после совещания в июле месяце 1250 (1834) года избрало на власть с титулом имама жителя селения Гимры Шамиль-Эфенди, сына Дингоу Магомед» (*Алкадари Г.Э.*, 1984. С. 117).

Гасан-Эфенди Алкадари неточно указывает не только дату проведения съезда (июль 1834 г.), но также и географию делегатов съезда, ограничивает ее лишь населением Аварского района, что не соответствует действительности. По нашим исследованиям, проведенным за последние годы, делегатами съезда были представители более 40 сельских общин, их союзов и джамаатов Дагестана.

Другой современник Шамиля, его зять Абдурахман из Газикумуха привел более подробные данные избрания Шамиля имамом. Абдурахман конкретизирует место проведения съезда, т.е. указывает «ГьоркьокIкIал» – «Срединное ущелье» на горе Арак рядом с Ашильтой; указывает примерное количество и состав делегатов съезда, дает выдержки из выступлений отдельных из них. Сочинение Абдурахмана написано со слов самого Шамиля, главного организатора и участника мероприятия.

По поводу участников съезда Абдурахман указывает: «После убийства Гамзатбека в Аварии... собралось много алимов, раисов (руководителей) и знати Дагестана в местности «Хуркукал» (ГьоркьокIкIал) на горе Арак. Среди прибывших на присягу были авторитетные люди как Абдуллах из Ашильта, Курбанмухаммед из Чиркея (ал-Чиркави), Саид из Игали, Худайнатилмухаммад из Гоцатля (ал-Хуцали), Газиявдир из Караты, Сурхай из Куллы (ал-Куллави) и другие». Им подробно описана и процедура избрания имамом Шамиля. Собравшиеся договорились избрать Шамиля имамом Дагестана, но он сначала отказался, согласившись быть его

заместителем. Собрание настаивало на его кандидатуре. Шамиль обращался с просьбой взять на себя имамство к Саиду из Игали, Сурхаю из Куллы, но те отказались. Как отмечает автор, в течение нескольких часов «уговаривали друг друга, но никто не соглашался». Убедил Шамиля стать имамом Саид из Игали. Шамиль задумался. Он понял, что Саид прав, и ответил: «Если дело обстоит так, как говоришь ты, тогда я возьму на себя тяжесть имамства, и ты хорошо знаешь, Саид, что проведение в жизнь шариата и политики среди наших людей – очень трудное дело, имея в виду, что наши люди несведущи в правилах (ведения) войны. Шамиль заявил, что «ради общих интересов я согласился взять на себя такую ответственность, не вдаваясь в то, трудное ли это дело или легкое» (*Абдурахман из Газикумуха, 1987. С. 48–49*).

Изучение недавно выявленных нами ранее неизвестных новых документов местного происхождения на арабском языке и на языках народов Дагестана и введенных нами в научный оборот за последние годы позволяет убедительно показать легитимность избрания третьим имамом Шамиля.

В этом отношении исключительную научную ценность представляет «Хроника Иманмухаммада Гигатлинского» – современника Шамиля, участника многих событий шамилевской эпохи, видного ученого Иманмухаммада из с. Гигатль, входившее в Чамалальское наибство Имамата (*Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., 2010*). Сочинение Иманмухаммада Гигатлинского более подробно раскрывает интересные детали исторического съезда по избранию Шамиля имамом. Начало подготовки к съезду Иманмухаммад Гигатлинский описывает подробно, дает характеристику атмосферы, которая сложилась на съезде. Это видно из выступлений делегатов съезда, предводителей сельских общин и их союзов, известных ученых. Особый интерес представляет порядок принесения присяги в Харахинской мечети имаму Шамилю, избранному имамом.

Работа съезда в местности «ГьоркьокІкІал» и приведение Шамиля к присяге, а так же принесение ему всенародной присяги проходило поэтапно в течение нескольких дней и в разных местах, – как отмечает Иманмухаммад Гигатлинский, «из-за возникших неприятностей». Автор указанного сочинения пишет: «Обратился, в конце концов, Шамиль к предводителям, вельможам и ученым. Были ими тогда предводители Гумбета, Анди, Хунзаха, Технуцала, Салатавии, Чамалала, Багвалала, Тинди, Караты, а также – других мест. В письменной форме попросил Шамиль тут помощи у этих могучих и дорогих ему людей – не для себя лично, а для дела, которое касается религии Господа миров» (*Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., 2010. С. 43*). Автор сочинения подтверждает участие в работе съезда представителей из самых разных территорий дальних и ближних обществ Дагестана. Он писал:

«Вот тут-то и двинулись – из краев дальних и ближних – знатные лица и видные люди, представлявшие различные племена и кланы Дагестана. Так, например, из наших западных краев прибыли тогда, по зову Шамиля, следующие лица: Алибек – сын Хириясулава Хунзахского; Абдулла Ашильтинский – мулла койсубулинцев-хиндалальцев; кадий Абдулла Кванадинский – человек, который был примером для горцев; Иманали Данухский – человек, который был примером для гумбетовцев-бактлудальцев; Нурали Арадерихский; два андийца – Лабазан и Газияв; Мухаммадамин Харахинский; Абакар-дибир Аргванинский; Хаджияв Ботлихский; Галбац-дибир Каратинский; два гигатлинца – Кадиласул Мухаммад и Хаджар-дибир; Аличул Мухаммад Тиндинский; Басханил Мухаммад Кванадинский. Были – в числе откликнувшихся тогда на зов Шамиля – и другие достойные личности, прибывшие из различных краев. Каждого из них, а также тех, кто поименно названы выше, сопровождали, причем близкие их товарищи» (*Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., 2010. С. 44–45*).

Автор сочинения перечисляет не всех участников съезда, а только тех видных деятелей, предводителей обществ и ученых из близких ему обществ и территорий Нагорного Дагестана, которых он знал хорошо или видел. Поэтому в сочинении Иманмухаммада Гигатлинского не перечислены имена многих известных участников съезда из других территорий Дагестана, в то же время он передает важную информацию о прибытии их в селение Чирката, а Шамиль находился в узком месте Гимринского ущелья – там, где встречаются две реки. Поэтому были посланы ими в то место люди, чтобы привезти его (Эта местность находится недалеко от аулов Ашильта и Чирката, где сливаются две реки: Аварское и Андийское Койсу. – Авт.). Следующим утром Шамиль прибыл в Чирката. Там встретили его знатные лица, видные и иные люди – с ликованием и радостью (*Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., 2010. С. 45–46*). Местность «ГьоркьокІкІал», которую упоминает в своем сочинении «Книга воспоминаний» Абдурахман из Газикумуха, находится под горой Арак на правом берегу реки Андийское Койсу недалеко от с. Чирката и Ашильта,

расположенных напротив на разных берегах реки. Поэтому, когда разные авторы называют местом проведения съезда сел. Ашильта или Чирката, в этом нет ошибки или путаницы. Заседание съезда, по нашему мнению, проходило на открытой местности, а не в помещении мечети, как указывают некоторые источники. Это подтверждают полевые материалы, собранные автором.

Из текста сочинения Иманмухаммада Гигатлинского видно, что работа съезда проходила очень интересно и напряженно, в то же время, в демократической атмосфере, все участники съезда имели возможность свободно высказывать свои замечания и предложения не только по процедуре избрания высшего должностного лица – имама, но и для проверки уровня подготовки кандидата, его деловых и моральных качеств, и прежде всего пригодности его для исполнения должности имама в самых разных ситуациях: тяжелых, очень тяжелых, благоприятных, легких, что было крайне необходимо для руководителя нового государства. Из сочинения автора следует, что была обеспечена гласность и демократичность при проведении форума, открытость проверки качеств кандидата на должность имама подтверждает и это доказывает правовую легитимность избрания Шамиля имамом.

Автор отметил, что прежде чем избрать Шамиля имамом, видные ученые и уважаемые личности расспросили его по многим жизненным аспектам: «Сделали они это для того, чтобы познать: в чем заключается его внутренняя сущность, – отделив её для этого от внешнего вида. Они, таким образом, как бы допросили Шамиля, чтобы понять: каковым будет он тогда, когда окажется в трудном положении, в состоянии униженном. Они, далее, испытали Шамиля в следующих аспектах: смешивает ли он в ходе разговора, который сам и ведет, истину с ложью; далее, что соответствует, по мнению его, ответственному посту, который может он ныне занять, а что ему не соответствует?» (*Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., 2010. С. 48–51*).

Далее автор сочинения подчеркивал, как Шамиль прошел важные испытания-экзамены (имтихан), показал кристальную чистоту своих человеческих качеств, убежденность в правоте выбранного жизненного пути, твердость духа и характера предводителя и также готовность следовать праведным путем главы мусульманской уммы и государства:

«Успешно пройдя указанные здесь испытания, которые организовали ученые и предводители, собравшиеся в Чиркате поставили Шамилю следующие условия:

«в великие дела можешь ты вмешиваться только лишь после совета с нами;

ты не будешь нападать лично ни на кого из твоих подданных (райийа), ибо благородные люди такого обыкновения не имеют;

кровь мусульман, как людей, которые ориентируются на киблу, ты можешь проливать на основании только судебных решений (хукму), которые выносить будут благородные ученые, точнее – столпы науки из числа их» (*Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., 2010. С. 51*).

По сведениям Иманмухаммада, клятва была дана не в ГьоркьокКале, а в соборной мечети в с. Харахи. Вот что пишет по этому поводу автор: «Затем те люди, которые собрались тогда в Чирката, назвали Шамиля имамом, но дать ему присягу там, правда, не получилось. Дело в том, что в названном месте отсутствовали тогда ученые; имеются в виду такие, которых можно было бы уподобить морям знаний» (*Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., 2010. С. 53–55*).

Иманмухаммад дает важную информацию о порядке принесения присяги имаму Шамилю, о чем нет никаких сведений в сочинениях на русском, арабском и других языках, изданных в России и других странах, в том числе, у известных современников Шамиля Мухаммед-Тахира аль-Карахи, Хайдарбека Геничутлинского, Гаджи-Али из Чоха, Абдурахмана из Газикумуха, Александра Казем-бека и других.

Как писал Иманмухаммад принесение присяги имаму Шамилю происходило таким образом: «После событий и военных походов, упомянутых выше, и прошедших при лидерстве (имама) Шамиля, который получил статус лидера в Чиркате – от посетивших его предводителей и больших людей ряда округов, какой-либо остановки не произошло. Названный лидер вновь выступил. Двинулся он, то есть Шамиль, тогда, понятно, не один, а в сопровождении ученых и больших людей, подчинившихся ему, которые пришли из своих округов. Следуя теперь как бы по кругу, заходили они в различные селения и города Дагестана и, в конце концов, прибыли в селение Харахи. Там, точнее, в соборной мечети харахинцев, организовал Шамиль собрание. На нем попросил этот лидер ученых и больших людей, пришедших в Харахи вместе с ним, чтобы они, – а также иные люди, – присягнули бы ему. Нужно было это Шамилю для того, чтобы его Имамство стало бы правильным, – соответствующим требованиям шариата» (*Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., 2010. С. 85–86*).

На это обстоятельство указывают многие арабоязычные источники, введенные в научный оборот за последние 15 лет и также многие полевые данные на аварском, лакском, даргинском, кумыкском, лезгинском и чеченском языках, собранные нами за последние годы в ходе научных экспедиций в горах Дагестана и Чечни. Далее автор сочинения отмечал:

Но среди ученых, собравшихся в Харахинской соборной мечети возникли разногласия. «Одни из них, – пишет Иманмухаммад, – говорили, что дать присягу Шамилю – допустимо. Другие же сказали, что делать это непозволительно. Каждый ученый, причем, приводил тут доводы в пользу своих утверждений» Шамиль в такой обстановке предложил пригласить на собрание Загалава из с. Хварши, чтобы он разрешил споры по этому вопросу.

Загалав (его имя Курбанали) из Хварши – один из самых известных ученых Дагестана, преемник больших ученых и праведников XIX в., учитель и сподвижник всех трех имамов – Газимухаммада, Гамзатбека и Шамиля. Он пользовался большим уважением, особенно, у Шамиля. С ним Шамиль нередко советовался по важным вопросам своей внутренней политики. Одно время он был муфтием в Тинди, участвовал во многих сражениях вместе с Шамилем. Он создал в с. Хварши передовое по тем временам медресе, где получили образование многие ученые XIX в., известные наибы, кадии и другие сподвижники Шамиля. Умер, когда ему было больше ста лет» (См.: *Абдурахман из Газикумуха*, 1987. С. 80, 203; *Мухаммед Тахир аль Карахи* 1990. С. 96–106). Его ученость в области мусульманского права была известна не только в Дагестане и Чечне, а также на всем Кавказе, в странах Передней Азии и других государствах.

Загалав Хваршинский разъяснил собранию суть присяги, которую необходимо принести новому имаму. Он первым принес Шамилю присягу. Затем Загалав Хваршинский предостерег Шамиля от неблагоприятных поступков правителя, наделенного большой властью над поданными.

Далее, как видно из текста автора сочинения, Загалав остановился тезисно на фундаментальных положениях, являющихся основой социально справедливого государственного управления, к которому должны стремиться имам Шамиль и его сторонники. Здесь подчеркивается, прежде всего, ведущая роль самого Шамиля, как руководителя правоверных, руководителя их государства.

Таким образом, выборы Шамиля имамом, проведенные с участием видных ученых, предводителей и представителей сельских общин и их союзов обществ Дагестана в течение нескольких дней в Ашильта, Чирката и Харахи стали правовой основой органов власти и управления государства Имамат. Это было логическое продолжение начатой первыми имамами Газимухаммадом и Гамзатбеком деятельности по созданию единой государственности у разных обществ и народов Дагестана и Чечни. Законность формирования верховной власти этого государства путем демократических выборов главы правоверных стала основой дальнейшей политической, правовой и военно-административной деятельности Шамиля, как руководителя нового государства. Выборам имама была создана важнейшая предпосылка и основа для организации и совершенствования всей государственной власти на всех уровнях управленческой системы Имамата.

Анализ всех доступных источников и собранных нами полевых материалов однозначно показывает, что избрание Шамиля происходило без той борьбы, которая сопровождала избрание имамом в 1833 г. Гамзатбека.

Конечно же, после убийства аварских ханов многие владетели Дагестана, в том числе аварские бекские группы, отдельные влиятельные старшины сельских общин и их союзов, предводители джамаатов, часть горской интеллигенции с определенной настороженностью относились к национально-освободительной борьбе против царских колонизаторов. Этого нельзя сказать об узденской массе, которая составляла большую часть народов Дагестана и Чечни, по сути, являлась основной составляющей силой в борьбе за свободу и национальную независимость. Для Шамиля легитимность его власти, чтобы он мог проводить многие уникальные административно-правовые, социально-экономические и политические реформы, являлась крайне важным и необходимым условием. Важным для Шамиля были демократичность и гласность формирования государственной власти, прежде всего, с учетом мнения народных масс.

Казембек в беседе с Шамилем, выделяя этот момент, отмечал: «... в 1834 году, все мюриды **совокупно предложили Шамилю принять Имамат и объявили себя его мюридами** (выделено нами. – Авт.). С тех пор это достоинство оставалось за ним бесспорно, и он своим умом и распорядительностью умел соединить все разделенные общества Дагестана в одно целое, ежегодно увеличивать его и расширять круг своей деятельности, и достигнуть, наконец, высшего значения – звания главы правоверных, владыки Кавказа» (*Казем-Бек Мирза Александр*, 1861. С.

216). Сочинение Казем-бека является важнейшим историческим памятником о Шамиле и его государстве, написанным автором с научной точки зрения на основе глубокого анализа не только арабо-мусульманской теории о государстве, но также и подлинной практической информации, полученной из самых первых рук, т.е. от самого Шамиля. Ученый показывает легитимность избрания Шамиля главой государства правоверных на данной территории и полное соответствие данного решения съезда чаяниям свободных граждан и их сельских общин, составляющих основное ядро народных масс в государстве Имамат.

Шамиль был избран имамом на съезде выборщиков – представителей всех сельских общин, их союзов и джамаатов, которые являлись, прежде всего, самыми известными и доверенными личностями, старшинами сел, старейшинами советов, предводителями военных отрядов и ополчений, известными учеными, кадиями, муфтиями отдельных территорий, пользующимися авторитетом и уважением не только в своих обществах, но и за пределами их, во всем Дагестане, да и на всем Кавказе. Это свидетельствует об уровне правового и демократического, а также цивилизованного характера формирования высших органов государства, создаваемого на территории Дагестана и Чечни. Это вытекало из сложившихся веками на многих территориях Дагестана и Чечни, в первую очередь, в сельских общинах и их союзах, традиционных и демократических форм формирования государственной власти и организации местного самоуправления.

Выборы Шамиля имамом происходили в других условиях, чем выборы Газимухаммада и Гамзатбека. Обстановка в Дагестане становилась более сложной и опасной, царские войска все более плотно закреплялись в равнинных и предгорных районах Северо-Восточного Кавказа, устанавливали на подвластных землях свою систему власти и управления. Одновременно, царские войска сооружали новые укрепления и крепости, захватывали важнейшие стратегические пункты в горных и предгорных районах, прочно закреплялись на тех землях, где никогда не ступала нога русского солдата. Росло возмущение и недовольство народа. В этих условиях, чтобы возглавить освободительную борьбу народов Дагестана и Чечни, нужно было иметь всенародное доверие.

Историческая заслуга Шамиля и его сподвижников заключается в том, что они предложили и осуществили принципиально демократические правила избрания имама, обеспечили легитимность имамата во главе с Шамилем. Анализ источников наглядно показывает, что Шамиль честно, открыто, без всякой корысти шел к выборам. Он прекрасно понимал, что высокий пост имама – это огромная ответственность, тяжелый и опасный труд, и не каждый может его осилить. Шамиль и его соратники сознательно стремились собрать как можно большее количество достойных представителей дагестанских обществ, известных ученых, авторитетных старшин и предводителей обществ. Они прекрасно знали характер своего народа, его дух, стремление к свободе и независимости.

Настаивая на главных демократических выборах, Шамиль, как претендент, не был либеральнее своих предшественников и, возможно, не уступал никому из них по образованности, напротив, превосходил их и в решительности, и в жесткости, а также по организаторским и человеческим качествам. Демократических и «всенародных» выборов требовало не только время, но также и историческое прошлое большинства дагестанских и чеченских обществ, привыкших устраивать свою жизнь на основе традиционной свободной, демократической составляющей самостоятельных обществ и их союзов, ставившее перед новым имамом сложные вопросы национально-освободительной борьбы. В числе важнейших было создание новой государственности. В программу Шамиля входило также обустройство новой организации разных обществ, перевод их от «традиционного» быта к шариатской регламентации («исправление общественной нравственности»), организация «противодействия русским», в которых Шамиль видел силу, мешавшую ему в проведении внутренних реформ в Горном Дагестане» (АКАК. Т. XII С. 1419.).

Съезд единогласно решил, что на данном этапе истории Дагестана Шамиль является самой подходящей личностью, лучшим организатором, предводителем, подготовленным ученым для того, чтобы объединить разрозненные общества и народы Дагестана и Чечни в борьбе против грозного завоевателя.

В речи имама и в воззвании, которое было принято съездом ко всем народам, обществам Дагестана и Чечни, впервые определены главные задачи борьбы за свободу и независимость.

С самого начала Шамиль шел к власти открыто и демократично. Это был единственно верный путь, чтобы получить в разных по размерам и социальному статусу обществах Дагестана и Чечни «законную власть». Он хорошо понимал, что будущее имамство принесет ему не только удачи, но и поражения. В Калуге, объясняя свое возвышение, Шамиль не без гордости подчеркивал:

«...неудачи, которые случалось иногда ему терпеть» от русских войск, «вредили его делу немного и даже в глазах большинства населения казались неизбежными» (АКАК. Т. XII. С. 1419).

В беседе с А. Руновским о потере власти и имущества Шамиль сказал, «что ему известно мнение русских насчет условий, сопровождавших вступление его в управление немирным краем, он уверен, что мы думаем, будто бы он искал власти и что даже народ выбрал его имамом не по свободному своему желанию, а собственно потому, что он принудил его к тому. В первом случае Шамиль говорил, что мы правы, он действительно искал власти, но не из одного лишь пустого честолюбия, а на основании разумного сознания, что страна может бороться с Россией тогда только, когда власть будет находиться именно в его руках. Что же касается до избрания его в звании Имама против воли народа, то здесь, говорит Шамиль, **мы совершенно ошибаемся, он никого не принуждал к избранию себя силою; а народ давно был подготовлен к тому прежними его действиями и знакомством с его личностью** (выделено нами. – Авт.), так что после смерти Кази-Муллы, когда неудачи Гамзат-бека возбудили против него негодование части населения, потом измену и, наконец, привели его к преждевременной смерти, Шамилю стоило только напомнить о себе для того, чтобы его избрали, и он напомнил» (АКАК. Т. XII. С. 1418).

На съезде в своей речи Шамиль особо подчеркивал, какое место в жизни государства занимает должность имама и с ним связанная власть, как ответственно было брать на себя эту обременительную ношу, что в самых трудных делах он будет первым и будет брать ответственность на себя. Эту мысль Шамиль повторял в Калуге, рассказывая о том, как он стал имамом (Чичагова М.Н., 1889. С. 41).

ЛИТЕРАТУРА

- Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний. Махачкала: Даг. книжн. изд-во, 1987. – 868 с.
- Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У.* Хроника Иманмухаммада Гигатлинского – текст XIX века об истории Имамата. Махачкала. 2010 г. – 207 с.
- Дневник полковника А. Руновского. Тифлис, 1866. С. 1395–1528.
- Баддели Дж.* Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. / Пер. с англ. Л.А. Каламниковой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 351 с.
- Вердеревский Е.А.* Кавказские пленницы, или плен у Шамиля. М., 1857 (2-е изд. испр.).
- Гаджиев Али.* Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1995. – 196 с.
- Гасан-Эфенди Алкадари.* Асари-Дагестан. Махачкала: Изд-во «Юпитер». 1994. – 173 с.
- Дадаев Ю.У.* Найбы и мудире Шамиля. Махачкала: ООО «Динем», 2009. – 624.
- Даниялов Г.-А.Д.* Имам Шамиль. Махачкала: «Юпитер», 1996. – 224 с.
- Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Сб. документов. Сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959. – 785 с.
- Дубровин Н.Ф.* Кавказская война и царствование императоров Николая I и Александра II (1825–1864 гг.). СПб., 1896. – 414 с.
- Казем-бек Мирза Александр.* Мюридизм и Шамиль. Санкт-Петербург, 1861. – 164 с.
- Казиев Шапи.* Имам Шамиль. М.: «Молодая гвардия». Серия «ЖЗЛ», 2003. – 380 с.
- Мухаммед Тахир аль-Карахи.* Блеск дагестанских сабель в некоторых Шамилевских битвах / Комментированный перевод Т. Айтберова. Махачкала, 1990. Ч. I. – 146 с.
- Окольников Н.А.* Перечень последних военных событий в Дагестане // ВС. 1859. Т. V. С. 371–372.
- Рук. Фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1.
- Руновский А.* Записки о Шамиле. М., 1989. – 174 с.
- Сборник газеты «Кавказ» за 1847 г. Тифлис. 1847. Т. I.
- Хайдарбек Геничутлинский.* Историко-биографические и исторические очерки / Пер. с арабского Т.М. Айтберова под ред. М.Р. Мугумаева. Махачкала: Культ. цент. общество Фонд Шамиля, 1992. – 176 с.
- Чичагова М.Н.* Шамиль на Кавказе и в России. СПб., 1889. – 207 с.